

Premium book
ФРАНЦ ХОЛЕР
ПЛАТФОРМА
№ 4

Ripol classic

KASSEL LITERARY PRIZE

*THE ART PRIZE
OF ZURICH*

*THE JOHANN-PETER-
HEBEL-PREIS*

Premium Book

Франц Холер
Платформа №4

«РИПОЛ Классик»

2013

УДК 821.112.2
ББК 84(4Гем)6-44

Холер Ф.

Платформа №4 / Ф. Холер — «РИПОЛ Классик»,
2013 — (Premium Book)

ISBN 978-5-386-09635-9

Франц Холер – известный швейцарский писатель, драматург и автор песен. Человек, которого критики называют классиком, национальным достоянием и уникальным явлением в мировой литературе. «Платформа № 4» – его новый роман, моментально ставший бестселлером. Изабель собирается отдохнуть с подругой в Италии и отправляется в аэропорт. Она стоит на платформе № 4. Пожилой мужчина предлагает ей помочь донести чемодан, поднимает его – падает и умирает. Женщине приходится отказаться от отпуска. Вернувшись домой, Изабель узнает, что случайно забрала бумажник и мобильный телефон незнакомца. Как только она решает отдать эти вещи в полицию, телефон внезапно начинает звонить...

УДК 821.112.2
ББК 84(4Гем)6-44

ISBN 978-5-386-09635-9

© Холер Ф., 2013
© РИПОЛ Классик, 2013

Содержание

1	5
2	8
3	11
4	14
5	17
6	19
7	22
Конец ознакомительного фрагмента.	24

Холер Франц

Платформа № 4

1

– Вы позволите помочь вам с чемоданом?

Знала бы она, к каким последствиям приведет эта фраза, отказалась бы вежливо, но решительно, прислушалась бы к своему внутреннему голосу, который будто шепнул ей: «Нет!», развернулась бы как по команде да быстрым шагом потащила свой чемодан на колесиках до вокзального кафе, чтобы только не согласиться на неожиданное и любезное предложение незнакомца. Такое всегда приходит в голову задним числом, а в ту минуту не было у нее причин отказываться от помощи.

Изабелла ехала в Цюрихский аэропорт. Собираясь провести две недели на острове Стромболи, она купила билет в Неаполь. Жила она неподалеку от вокзала Эрликон, поэтому обычно добиралась до аэропорта на электричке. Она еще зашла в аптеку за лекарствами и вот остановилась в переходе, откуда лестница ведет наверх, к поездам. Жаль, поздно она вспомнила, что в самом конце вокзальных путей вверх и вниз идут вместо ступеней пандусы, и, только увидев перед собой лестницу, показавшуюся ей, как никогда, крутой и неприступной, заметила, сколько весит ее чемодан, и разозлилась, что на этом оживленном вокзале эскалаторы так и не установлены, будто он остается провинциальным полустанком, как сто лет назад. Изабелла ведь только-только после операции, и, конечно, с переноской тяжести ей следует быть поосторожнее.

Так отчего же не согласиться, если какой-то господин – хорошо одетый, с проседью в волосах, с бородкой – предлагает ей поднести чемодан вверх по лестнице? Она, как всегда в поездках, почти опаздывала, электричка уходит через три-четыре минуты, а тут вдруг этот господин – джентльмен старой школы, для кого готовность помочь есть благородный и непреложный закон, вот и нет причин отказаться, и нет никакой ошибки в ее словах: «О, спасибо!»

Он переложил из правой руки в левую тонкую папку, которую имел при себе, взялся за чемодан, поднял легким рывком (может, все-таки удивившись его тяжести?), чуточку поправил выдвинутую ручку, чтобы она не тыкалась ему в подмышку, – и все это время Изабелла спрашивала себя, не встречалась ли она с ним раньше и кого он ей напоминает.

Но вспомнилось ей только, как в юности к ним с подружкой, когда они отправились смотреть Лондон и стояли у дверей пансиона с планом города в руках, обратился какой-то человек: «Can I help you?»¹ Показал им кратчайший путь до Вестминстерского аббатства и пошел себе дальше.

Эта самая подружка ждала ее сейчас на острове Стромболи. Там они сняли домик на три недели, хотели вместе провести отпуск, но помешала больница, и теперь Изабелле осталось отдыхать всего две недели, зато как раз вовремя, ведь надо восстановиться после операции.

В больницу ей пришлось лечь, чтобы удалить желчные камни, когда колики стали нестерпимыми, а медикаментозное лечение уже не помогало. Операция прошла хорошо. Удаленные камни ей вручили в стеклянной баночке, добрый десяток – ребристые, округлые, толщиной примерно в сантиметр, из них можно бусы собрать, как шутили Изабелла с санитаркой, желчные бусины – это что-то новенькое. Конечно, она обрадовалась, что во время операции не обнаружили чего-нибудь пострашнее, провела неделю на домашнем режиме, а теперь чувствовала себя вполне готовой к путешествию и думала о нем с удовольствием.

¹ Вам помочь? (англ.)

Следом за неожиданным носильщиком она поднялась по лестнице, попутно открыв сумочку и убедившись, что билет на электричку и квитанция бронирования на месте, и утвердительно кивнула, когда господин обернулся к ней и спросил:

– Вы в аэропорт?

От платформы номер пять отправлялась электричка до Рапперсвиля, от платформы номер четыре – до Эфретикона через аэропорт.

Незнакомец подкатил чемодан к краю платформы, поставил и сделал галантное движение рукой.

– Большое спасибо, – сказала Изабелла, – мне очень приятно.

Он с улыбкой кивнул, но затем почему-то не поднял голову, а опустил на грудь, на мгновение схватился за ручку чемодана и как подкошенный упал навзничь. Голова с неприятным стуком ударилась оземь, и он остался лежать с открытым ртом и закрытыми глазами. Одна рука свесилась за край платформы, а папка едва не упала на пути.

У Изабеллы вырвался крик ужаса, тут же подбежали какие-то люди, а она встала на колени возле лежащего и склонилась к его лицу:

– Эй, вы слышите меня?

Открыв глаза, он посмотрел куда-то вдаль, но все-таки поймал ее взгляд и тихо проговорил:

– Пожалуйста, прошу...

Засвистел поезд, будто сам испугался на подъезде к перрону, кто-то быстро схватил свисающую руку незнакомца и положил ему на грудь. Какая-то женщина подобрала папку на краю платформы и пристроила сверху на чемодан Изабеллы.

Молодой человек с прилизанными волосами вызвал по мобильному «скорую помощь». Другой побежал вниз по лестнице, чтобы попасть на ту сторону, в здание вокзала. Две туристки-азиатки пробежали мимо пострадавшего, торопясь на электричку, и та невозмутимо отбыла точно по расписанию.

Изабелла сразу определила смерть. Она, заведующая отделением для лежачих в доме престарелых, не раз видела, как умирают люди.

Попыталась нащупать пульс незнакомца и не нашла, склонилась лицом как можно ближе к его рту и не почувствовала дыхания, тотчас же распахнула его рубашку и попробовала сделать массаж сердца, но поняла, что вернуть его к жизни надежды нет.

С белым тентом в руках явились двое служащих вокзала, спросили у стоявших кружком людей, дозвонился ли кто-нибудь до «скорой», и молодой человек это подтвердил, после чего спросили у Изабеллы, является ли та медицинским работником.

– Сестра по уходу, с образованием, – коротко ответила она, продолжая делать массаж.

Вдвоем они установили тент над нею и распростертым на земле телом, а людей попросили разойтись.

Прибывшие спустя десять минут санитары «скорой помощи» имели при себе дефибрилятор, дыхательный мешок с кислородом и инфузионный набор, но Изабелла лишь рукой махнула, она прекратила уже и массаж. Женщина-врач из медицинского центра «Пермананс» неподалеку от вокзала, которую кто-то тоже успел позвать, констатировала смерть. Выразила Изабелле сочувствие и стала расспрашивать, как все это случилось. Изабелла только и ответила, что он, мол, понес чемодан вверх по лестнице, а потом рухнул. Были ли у него проблемы с сердцем? Или нарушение кровообращения? Продолжая расспросы, она очень удивлялась полной неосведомленности Изабеллы, пока та не объяснила, что они вообще не были знакомы.

Тут под тентом появились двое молоденьких патрульных полицейских и выслушали всю информацию о происшедшем. Снаружи, на перроне, все шло как обычно, прибывали поезда, люди входили и выходили, некоторые останавливались возле тента и пытались заглянуть внутрь. Одни говорили, мол, точно – самоубийство, другие возражали, мол, ему стало

плохо, и все эти слова и догадки сливались со стуком подошв, касавшихся земли по прибытии поезда и напоминавших топот стада овец, и объявлением по громкой связи: «Будьте осторожны, скорый поезд на пятом пути проследует без остановки». И сразу грохот мчащегося состава перекрывает любые речи.

Один из полицейских, встав на колени возле покойника, полез к нему в пиджак, рассчитывая найти для установления личности бумажник с документами или банковскими карточками.

– Странно, – сообщил он, обыскав все карманы, – вообще ничего, никаких документов.

И попросил санитаров повернуть тело на бок, чтобы достать из заднего кармана кошелек, однако не оказалось и кошелька. Только в правом кармане брюк обнаружили маленький ключик да белый носовой платок с синим кантом и вышитыми буквами М. Б.

– Прямо скажем, немного, – подытожил полицейский.

А другой, разглядев врученный ему ключик, заметил:

– Сделать копию ничего не стоит. Самый обычный ключ. Может, у него с собой что-то было, багаж, например? – предположил он.

Но Изабелла оказалась не в состоянии вслушиваться в его слова, а случайные прохожие уже разошлись.

– Значит, вы его вообще не знали? – обратился к ней один из полицейских.

– Нет, не знала, – ответила Изабелла, и ей пришлось снова пересказывать все случившееся, но, как она ни уверяла, что не имеет к покойному ни малейшего отношения, у нее потребовали все личные данные, адрес и электронный адрес, телефон и мобильный телефон, да еще попросили в любую минуту быть в их распоряжении для дачи показаний.

Тут все заговорили одновременно. Санитары спрашивали, могут ли идти или же надо немедленно доставить тело на судебно-медицинскую экспертизу, врачу потребовалось узнать, составит ли окружной эксперт медицинскую справку о смерти, и один полицейский стал ему дозваниваться, пока другой полицейский передавал сведения в отдел розыска и спрашивал насчет прокурора округа, и, когда на пятом пути раздалось грохотание очередного скорого поезда и все они заговорили еще громче, а полицейский с телефоном прижал руку к свободному уху, Изабелла взяла свой чемодан и, не прощаясь, потихоньку покинула тент.

На табло четвертой платформы была объявлена следующая электричка в аэропорт, она опаздывала на две минуты, Изабелла успела войти. И только в вагоне заметила, что тоненькая папка не упала, а все так и лежит на самом верху ее чемодана. Чувствуя, как растет ее негодование, и опасаясь опоздать в аэропорт, она решила не возвращаться на платформу к тенту, а дернула «молнию» чемодана и сунула папку внутрь.

Сколько времени она потеряла на всю эту историю, стало ясно только у стойки регистрации, когда ей с сожалением сообщили, что самолет уже улетел.

2

Сидя за кухонным столом, Изабелла выудила из чашки пакетик вербенового чая и никак не могла сообразить, куда его деть, встала, положила пакетик на сушилку в раковине, опять села, увидела мокрый след на столе, снова встала, оторвала от рулона бумажное полотенце, вытерла им капли, смяла в комок и положила на стол перед собой, размешала ложечкой сахар и сделала глоток.

Вообще-то она сейчас должна была находиться в Неаполе, на пути к порту, откуда алискафо, быстроходные катера, отплывают к Липарским островам. У стойки авиакомпании выяснилось, что все ближайшие доступные рейсы летят либо через Франкфурт и Амстердам, либо через Париж, где надо долго ждать пересадки, и приземляются в Неаполе так поздно, что ей пришлось бы там переночевать и лишь на следующий день сесть на катер. Чувствуя, что на такое неспособна, она взяла такси и добралась до дому. От одной только мысли о том, как она полетит на север ради того, чтобы оказаться на юге, Изабелла впала в уныние.

Затем она вновь отправилась на вокзал.

Тент все еще не сняли, один из молодых полицейских стоял рядом и при виде Изабеллы очень обрадовался. Сказал, что ее вообще не следовало отпускать, и повел в стеклянный павильон ожидания на платформе, попросив оттуда выйти пожилую пару. Извинившись, он пояснил, что для него это первый «случай смерти при Н. О.», тут Изабелла ему даже чуточку посочувствовала. И поинтересовалась, что же такое «при Н. О.» А это значит: «при невыясненных обстоятельствах», и вот пришлось ей еще раз излагать, как именно складывались эти обстоятельства. Полицейский за нею записывал, уложив поверх папки, которую держал на коленях, бланк с ее личными данными, внесенными заранее, а люди на платформе, ожидавшие своих поездов, бросали на них любопытные взгляды, и наконец-то Изабелла подписала протокол допроса.

Вот она опять дома и опять глотает чай. Вдруг навалилась невероятная усталость. Ужас из-за чьей-то внезапной смерти, с которой она оказалась столь злосчастливым образом связана, волнение и досада из-за опоздания на самолет заставили ее почувствовать, что здоровьем она еще совсем не так крепка, как ей представлялось. «После операции, постоперационный» – эти слова Изабелла часто употребляет на работе, отчего же не отнести их к себе самой? И запланированное путешествие, хотя оно всего-то откладывалось на день, разом показалось ей чрезмерной перегрузкой. Ей надо бы спокойно провести время где-нибудь неподалеку, пусть бы и в Браунвальде, это Гларнские Альпы, или на Фирвальдштетском озере, например в Веггисе, хотя стоит только вспомнить катер на подводных крыльях и тряску на волнах, как ей чуть ли не дурно становится.

Изабелла взяла чашку, поставила на стеклянный столик в гостиной и с тяжелым вздохом, едва ли не со стоном, прилегла на диван. Закрыла глаза и глубоко вздохнула. Сейчас надо бы позвонить подруге, но она не станет ей говорить, что прилетит завтра из-за опоздания на самолет, она скажет, что не прилетит совсем.

Когда Изабелла проснулась, день уже клонился к вечеру, и ей потребовалось некоторое время, чтобы очнуться. Нет у нее привычки спать среди бела дня, голова тяжелая. Открыв в ванной кран, она дождалась холодной-прехолодной воды, подержала под струей руки и остудила лицо. Затем растерлась махровым полотенцем и погляделась в зеркало.

Она увидела женщину в возрасте от сорока до пятидесяти лет, волосы черные выющиеся, глаза синие, нос курносый и бледные, едва заметные веснушки. Лицом этим Изабелла осталась совершенно довольна, она вообще нравилась себе такой, какая есть, неплохо бы только скинуть килограмм-другой. Впрочем, Изабеллу и так часто принимают за молоденькую, а ведь ее дочери уже двадцать два года.

Что же надумал тот человек, который предложил помощь женщине из зеркала? Хотел втереться к ней в доверие? Хотел познакомиться? Поехал бы с нею в аэропорт? Спросил бы адрес? Или он просто проявил любезность, хотел без всякой задней мысли оказать услугу женщине с чемоданом, беспомощно стоявшей внизу у лестницы? Ведь то, что она женщина, имело бесспорное значение, а он по виду был такой человек, который и пальто подаст, и вообще владеет манерами, с удовольствием выступая в старой, а нынче несколько подзабытой роли джентльмена.

«Будь я мужчиной, помогла бы я себе или нет?» – задумалась было Изабелла, однако тут же отметила, что для ответа на данный вопрос ей недостает силы воображения. Факт есть факт, некий посторонний человек взялся ей помочь, а после этого упал мертвым наверху лестницы. Переоценил свои возможности в смысле тяжести чемодана? Но ведь чемодан не очень-то и тяжелый, если б не операция, она запросто справилась бы сама. А вот если б тот человек не поднес ей чемодан, он бы все равно умер... или нет? Сердечная недостаточность, если это она, из пустоты не возникает, тут одно накладывается на другое: и расстройство кровообращения, и нарушение сердечного ритма, и повышенное давление или даже порок сердца (возможно, не диагностированный), и серьезные неприятности, и стресс... Однако он не производил впечатления человека в стрессе, иначе ему вряд ли пришла бы в голову мысль вот так запросто кому-то помочь. А возраст? Определить не так-то легко, однако был он, видимо, старше, чем хотел казаться. Бородка делает моложе, она скрывает морщины, но когда Изабелла сдвинула его руку на груди, чтобы расстегнуть рубашку, то увидела – вот, вспомнила теперь! – темные пигментные пятна и складки, значит, точно ему больше шестидесяти, скорее около семидесяти, а это при соответствующем образе жизни – самое время для сердечной недостаточности, способной сразить даже тех, кто помоложе. Изабелла упорно подыскивала доказательства того, что не она со своим чемоданом является главной виновницей.

Подруга ужас как расстроилась, когда Изабелла сообщила ей по телефону, что не сможет приехать. Описывая роковое происшествие, она начала запинаться и вдруг разразилась слезами.

– Откуда мне было знать! – кричала она и плакала в трубку. – Ведь правда же, Барбара, откуда мне было знать?

Барбара попыталась ее успокоить. Конечно, мол, ей неоткуда было знать, это понятно, да ведь она и не обращалась к тому человеку, он явно сам так поступил, по собственной воле, вот какой добрый дядя.

Изабелла прекратила рыдать.

– Нет, – решительно заявила она, – нет, не добрый дядя, а совсем другой тип – мужчина с прекрасными манерами.

Подруга спрашивала, не стоит ли ей все-таки приехать через несколько дней, ведь сейчас, в конце лета, погода стоит такая прекрасная и море такое заманчиво теплое, но Изабелла ей поведала, как она благодаря этому злословению поняла, что пока не совсем здорова для подобного путешествия, и попросила ее извинить.

Этот разговор отнял у нее силы, но зато принес облегчение, как будто подарив ей время наперед, и она снова ненадолго прилегла без сна, а потом отправилась в кухню на поиски съестного. Она рассчитывала на двухнедельное отсутствие, поэтому никаких свежих продуктов в доме не было, так что она приготовила себе тарелку макарон под соусом из консервной банки, а к этому блюду открыла маленькую бутылочку кьянти. Вообще-то бутылочка с вином хранилась для готовки, но Изабелле вздумалось вдохнуть хоть чуточку Италии, *pasta e vino*, и она подняла бокал со словами:

– Твое здоровье, Барбара!

Сделала глоток и накинулась на макароны.

Опустошив половину тарелки, она услышала, как в коридоре зазвонил ее мобильник. Встала, подошла к гардеробу и достала телефон из кармана плаща. Телефон был выключен. Тут до нее дошло, что звук несется из брошенного ею в коридоре и все еще закрытого чемодана. Изабелла опрокинула чемодан на пол, встала на колени, открыла и тут же увидела на самом верху папку, которую поспешно сунула внутрь, когда ехала на поезде в аэропорт, а потом в суете забыла. Звонок теперь смолк, но исходил он несомненно из папки, ведь у Изабеллы второго мобильного не было. Мурашки побежали у нее по коже. Кто-то звонил мертвецу! Впрочем, ее это не касается. Она осторожно вытащила папку из чемодана, поднялась, положила папку на табурет в коридоре. На мгновение замерла. Нет, до папки ей дела нету. Надо доесть макароны и сразу ехать в полицию, надо эту папку сбыть. Изабелла вернулась в кухню, села за стол к своей тарелке, но аппетит у нее пропал. Тогда она встала, вернулась в коридор, расстегнула «молнию», левой рукой придержала раскрытую папку и вытащила вместе с какой-то газетой мобильный телефон цвета бордо, «Сони Эриксон», та же фирма, что у нее самой. «Если до сих пор неизвестно, кто этот умерший, – соображала она, – то включенный мобильник наведет на важный след». Разблокировала клавиатуру и сразу, как только засветился дисплей, увидела красный значок садящейся батареи. Но ведь если батарея разрядится полностью, то пропадет и пин-код, его же никто не знает, а без пин-кода пользы от телефона никакой. Вроде не хотела она ничего делать, но все-таки сделала. Взяла да и воткнула в телефон незнакомца свой зарядник, благо он подошел, и подсоединила к той розетке в ванной, которой обычно пользовалась для фена. И тут же на экране значок зарядки пришел в движение.

Изабелла снова села за кухонный стол, к своей тарелке, но лишь глотнула вина. Если ей дела нет до покойника, зачем она сейчас заряжает его телефон? Ясно, что в этом есть срочная необходимость, ведь, пока она доберется до полицейского участка, все функции телефона отключатся и связь с окружением того человека будет утрачена. Изабелла оперлась подбородком на руки. Все-таки отчасти это ее дело. Первую помощь она оказала, а теперь должна оказать вторую.

3

Не зная, чем заполнить время до конца дня, Изабелла принялась распаковывать чемодан, и когда она с тремя блузками в руках подошла к платяному шкафу, в ванной комнате раздался телефонный звонок. Бросив блузку на кровать, она поспешила было в ванную, но остановилась в нерешительности. Опять кто-то хочет поговорить по телефону с умершим человеком. Именно с ним, а не с нею самой. Ей нет дела до того, кто звонит. Но кто бы он ни был, ему следует знать, что вызываемый абонент умер. Изабелла схватила телефон, нажала зеленую кнопку приема, поднесла аппарат к уху. Поздно! Тот, кто звонил, уже разъединился.

Изабелла рассердилась. Ведь это след, который ведет к тому умершему незнакомцу. След помог бы выяснить, кто он такой. Все же довольно странно, что он ходил по улицам просто так, не имея при себе ни единого документа. Правда, тут же она вспомнила, как сама однажды наспех поменяла куртку перед выходом из дому и в трамвае не сумела предъявить контролерам ни месячного проездного, ни какого-либо другого удостоверения. Разумеется, такое бывает, но в ее размышлениях странным образом не связывается с тем человеком. Не выглядел он так, будто наспех поменял куртку.

Кто же ему звонил? Или звонила? И как она или он воспримет сообщение о том, что вызываемый абонент скончался? Что ж, Изабелле не впервой оповещать людей о кончине кого-то из близких. В доме престарелых такое случается то и дело. Но сыновья и дочери к этому готовы, да и про каждого пациента известно, кого именно следует уведомить.

Мобильник все еще не зарядился полностью.

Вдруг она вспомнила, что ее дочь до сих пор не в курсе событий. Изабелла уселась в гостиной, где на маленьком столике стоял телефон, и набрала номер дочери. Занято.

Возле телефона – шариковая ручка и отрывной блок листков для записок, надо бы хоть что-то написать.

Одно под другим она черкнула два слова: «Газета? Почта?» На четырнадцать дней она отказалась от подписки на газету и распорядилась откладывать поступающую ей почту. Завтра следует поразмыслить о том, стоит ли что-то менять. До чего же заманчиво остаться дома, как будто ее здесь нет, можно пойти в кино, а ведь обычно она такая усталая, еще можно в бассейн сходить или на концерт. Сестра ее живет в Тоггенбурге, сколько раз она не без зависти говорила, как это здорово, должно быть, жить в городе, в самой сердцевине праздничного торга – вот так она выражается, а Изабелла сколько раз задумывалась, удастся ли ей самой этим торгом полакомиться. Еще она вспомнила про Тессин, где у ее двоюродного брата с женой свой дом в долине Верзаска, однажды она туда ездила по их приглашению, да они все время предлагают ей жить в доме, сколько душе угодно. Но вряд ли она сумеет там отдохнуть, там надо действовать точно по предписаниям брата, там на каждой второй дверце шкафа приклеена записка с указаниями для гостей, там пользование душем, кухонной плитой и стиральной машиной подчиняется строго определенным правилам, перечисленным в пунктах 1, 2 и 3, там следует открывать, а после использования перекрывать дополнительные краны и вентили, так что Изабелле придется, видимо, проводить основное время за чтением и усвоением инструкций. Но ведь есть и чудесные отели, и пансионаты.

Под словами «Газета?» и «Почта?» она написала еще одно: «Тессин?»

И вновь набрала номер дочери. Занято. Ну, по крайней мере, она дома. Порой Изабелла задумывалась, что же такое обсуждает ее дочь с друзьями и подругами в этих бесконечных телефонных разговорах. Кто с кем, а кто уже не с тем, да почему иного и быть не могло, да о чем раньше думать надо было, да куда бы им сходить и почему вот тут лучше, чем вон там, куда ходили в тот раз, и лексикон их при этом колеблется в пределах слов *локейшин*, *мега*, *отстой* и *улет*, все это Изабелла постоянно слышала, когда Зара еще жила с нею. Год назад та вместе с

двумя сокурсницами переехала в съемную квартиру. Зара взялась изучать юриспруденцию, с тех пор Изабелла пребывает в тщетном ожидании того, что словарный запас ее дочери наполнится некоторым содержанием.

Мобильный телефон, стоявший на зарядке, зазвонил. Изабелла решительно встала, направилась в ванную, нажала кнопку приема и произнесла:

– Аллю!

В ответ раздался мужской голос:

– Аллю.

Засим ничего не последовало, поэтому она выступила сама:

– С кем я говорю, простите?

Фоном в трубке слышались звуки, как будто из ресторана, а чуть погодя раздался треск, и связь оборвалась.

Она еще разглядывала синее небо и облачка на экранной заставке, как вдруг запиликал телефон в гостиной. Это звонила Зара, удивленная тем, что Изабелла до сих пор не в Италии. Та рассказала, по какой причине осталась дома, и как она поставила на зарядку телефон покойного, и как только что приняла адресованный ему вызов. Дочь признала, что это все захватывающе, но вот засекла ли она, кто звонил? А Изабелла у нее спросила, как это делается.

– Ну, мам! – возмутилась дочь. – А как я увидела, что ты меня набирала? Зайдешь в меню, прокрутишь до журналов, кликнешь – и вот он тебе.

С трубкой в руках Изабелла отправилась в ванную, попросила Зару минутку подождать, отложила трубку, проделала все, что было велено, снова поднесла трубку к уху и сообщила:

– Незнакомый номер.

– Ага! – воскликнула Зара. – Не желает, чтоб ему перезванивали! Если он снова объявится, не подходи к телефону.

Изабелла пообещала так и сделать, а когда мобильник полностью зарядится, она отнесет его в полицию. Считая данное решение верным, Зара спросила, не стоит ли им пойти в полицию вместе. Изабелла признала, что это очень мило с ее стороны, но такой необходимости нет. Она сообщит, если вдруг в течение двух недель все-таки решится уехать.

Стоило им разъединиться, как в ванной комнате опять зазвонил мобильный телефон.

Изабелла зашла в ванную и, не раздумывая, нажала на зеленую кнопку:

– Аллю?

– Аллю, – произнес мужской голос. – А где Марсель?

– Скажите мне, кто вы? – спросила Изабелла. Голос ее слегка дрожал.

– Завтра, Нордхайм. Чтоб мы его там не видели! Так ему и передай.

– Дело в том, что...

Соединение прервалось. Кликнув значок вызовов, Изабелла несколько не удивилась тому, что и этот номер оказался неизвестным. В списке она увидела еще три вызова, но все номера тоже значились как неизвестные. Кроме одного, на который указывала красная, а не синяя стрелочка. Номер стационарного телефона. Принесла из гостиной листок для заметок и переписала этот номер. Еще раз позвонила дочери, чтобы та разъяснила ей смысл красных и синих стрелочек возле телефонных номеров.

На часах почти шесть вечера. Изабелла подключила к сети телевизор, она ведь перед отъездом на всякий случай вытащила вилку из розетки, и нашла местный канал. Думала, может, в новостях сообщат про летальный случай на вокзале или сделают объявление и покажут фотографию. Нет, ничего подобного, одна только склока из-за нового футбольного стадиона, еще – начало судебного разбирательства по поводу миллиардного конкурса, еще – одна из крупнейших пенсионных касс в кризисном положении, еще – музыкальная премьера и погода, прекрасная и необычайно теплая для этого сезона.

Как только пошла реклама картофельных чипсов, Изабелла выключила телевизор и устроилась поудобнее.

Значит, тот вежливый господин, у которого столь невежливые знакомые, носил имя Марсель.

Нордхайм, где его не желают видеть, – большое кладбище в городском районе Эрликон. Да, завтра они точно его не увидят, хотя пока сами не знают по какой причине. Получается, он вскоре по приезде намеревался пойти на похороны, а надо же, хоронить будут его самого.

Поразмыслив, Изабелла набрала записанный ею номер стационарного телефона. Красная стрелка означает, что тот человек сам пытался позвонить по этому номеру. Крепко прижав трубку к уху, она почувствовала, как учащается пульс.

Автоответчик женским голосом поприветствовал ее от имени городской администрации Устера и сообщил их часы работы. Вероятно, тот человек собирался съездить в Устер, отправление с соседней платформы.

Телефон у него совсем новый, что ли, ведь он пользовался им лишь один раз? Или взял напрокат? Или стер все звонки? А ей-то какое дело? Какое это имеет к ней отношение? Вот разве что в минуту его смерти она случайно оказалась рядом.

Вновь она постаралась вызвать в памяти эту короткую встречу, вновь услышала его вопрос: «Вы в аэропорт?», вновь увидела, что он рухнул навзничь как подкошенный, и встретила его утешающий взгляд. Но ведь он что-то произнес, он выговорил слова «Пожалуйста, прошу...» и только потом умолк. Хотел о чем-то ее попросить. Боже милостивый, о чем же? И почему именно ее?

Изабелла пошла в ванную комнату. Мобильник полностью заряжен. Вытащила зарядное устройство из розетки, положила телефон в папку, которая так и валялась на стуле в коридоре. Надела туфли, сняла с вешалки куртку. Куда же двинуться – в отделение полиции Эрликона или в городское управление?

Чуть повременив, Изабелла сняла туфли, скинула куртку и уселась на диван в гостиной.

4

На кладбище Нордхайм в тот день похороны состоялись трижды.

В четверть одиннадцатого Изабелла присела на самую последнюю скамью возле центрального прохода в кладбищенской капелле, ожидая панихиды по Исидору Гемперле. Там уже находились и другие люди в черном, главным образом пожилые, Изабелле это знакомо: они всегда боятся опоздать и потому приходят слишком рано. Впереди стояла урна в окружении венков и букетов, к одной из подставок крепилось знамя с красно-золотым кантом, но из-за складок разобрать удалось лишь два обрывка слов – «делькё» и «пере», ей совершенно непонятные и напоминающие венгерский язык. Может, покойный помогал беженцам, которые хлынули в Швейцарию, когда у них там подавили восстание? Вот как старики Сабо, ее соседи в юности?

Слышно было, как на хорах шушукаются и шепчутся, там явно шла подготовка, но со своего места Изабелла не могла посмотреть наверх. Люди входили в зал поодиночке, занимали места на скамьях, но и пустых мест хватало, а когда вошли родственники, Изабелла попыталась угадать лицо, с которым могла бы связать тот звонок, но двое мужчин, поддерживавших вдову, вид имели столь горестный, что ни одного из них она не могла себе представить тем, звонившим.

Но все же осталась в зале, слушала монотонные звуки органа и речь священника о *Боге Всемогущем и Его Воле*, а также биографию Гемперле, школьного управляющего на пенсии, всегда столь внимательного к нуждам учителей и учеников, встала со скамьи на «Отче наш», а когда запели «Йоделькёрли Альперёсли» ей, вообще-то не любившей йодль, пришлось бороться с подступившим волнением. Изабелла представила себе, как издерганный хозяйственник, умаявшись от городской жизни, раз в неделю отдавался обманчивому покою сельских трезвучий, и увидела в этом неудовлетворенную тоску всякого человека по мировой гармонии.

После прощания, когда семья направилась к выходу, Изабелла вновь оглядела украдкой всех мужчин и убедилась в верности своего первоначального суждения.

Затем она зашла в кафе неподалеку, заказала кусок сырного пирога и яблочный сок с минералкой, внимательно просмотрела обе ежедневные газеты, но не обнаружила ни заметки о вчерашнем происшествии, ни фотографии умершего. Дело, видимо, вот в чем: это не преступление, это не несчастный случай, это просто наступившая смерть, правда, необычная, «при Н. О.», и все равно тот человек умер сам по себе, никому другому не причинив вреда. Никому, кроме нее. А если не напечатали фотографию с объявлением о розыске, значит, личность умершего установлена.

Вот и ладно, ведь его папка с телефоном все так и лежит у Изабеллы в квартире. Вчера вечером при одной только мысли, что придется опять выходить из дому, ею овладела сильнейшая апатия, и она уговорила себя, мол, завтра совсем и не поздно, но сегодня любопытство повлекло ее на кладбище.

Ближе к половине второго она вернулась к капелле.

Из лимузина как раз выходили родственники, супружеская чета лет за шестьдесят, жену – она держала носовой платочек у глаз – принялась утешать женщина помоложе, в то время как другая молодая замерла у портала, словно окаменев, а муж, пожилой господин, взял за руки двоих детей. Изабелла подождала, пока все они войдут в зал, и направилась следом. Скамьи оказались заняты полностью, так что ей пришлось встать в самом конце, у стены. Умер молодой врач, сраженный жестокой болезнью, и священнику с большим трудом удалось представить его мужественно проигранную борьбу как *победу жизни над смертью благодаря Господу нашему Иисусу Христу, аминь*. Присутствовали музыканты, раньше в этой группе играл и врач, они

вышли вперед, построились и исполнили «Лето 69-го» Брайана Адамса, а когда дошло до строчки «Those were the best days of my life»², солист не выдержал и отвернулся, чтобы утереть слезы и как-то продолжить, и на скамейках все повытаскивали носовые платки, всхлипывание пронеслось по всему залу, молодая вдова врача, наклонившись вперед, безудержно рыдала, и все это было так печально, что даже у Изабеллы, никого здесь не знавшей, потекли слезы, и она забыла, что злится из-за елейной речи, и забыла, что пришла искать того, кто звонил с неизвестного номера, она плакала вместе со всеми о бренности жизни.

Капелла опустела, уже пробило три часа дня, на это время была назначена последняя панихида, а Изабелла все сидела там одна. Пришел кладбищенский сторож запирать дверь, она спросила про похороны Майер Матильды и узнала, что прощание состоится прямо у могилы, захоронение в землю, участок Д.

Изабелла заторопилась, чтобы успеть, не сразу разобралась в лабиринте надгробий и, наконец, разглядела небольшую группу людей, стоявших полукругом возле могильной ямы. Изабелла замедлила шаг и остановилась возле свежей могилы, откуда ей хорошо было видно происходящее. Со словами «Земля к земле!» священник зачерпнул полный совочек земли из подготовленной заранее чаши и высыпал на гроб, затем двое мужчин из группы взяли совочки и последовали его примеру. Третий мужчина делать этого не стал, и женщины, все вчетвером, тоже стояли, не двигаясь, одна вытирала глаза платочком. Подросток глядел на небо, где самолет чертил в синеве две светлые полосы.

Священник распрощался, уложил свой молитвенник в черную папку и явно заторопился, за ним и остальные потянулись к выходу, по дорожке мимо могилы, где стояла Изабелла. Двух мужчин их жены – Изабелла дала бы всем лет около семидесяти – тотчас схватили под руку, они оба шли и равнодушно смотрели вниз, а вот третий выглядел старше, он опирался на палку и слегка прихрамывал, за ним следовали еще две женщины с мальчиком, которому все происходящее было явно в тягость. Проходя мимо Изабеллы, один из мужчин поднял голову и скользнул по ней взглядом, в то время как Изабелла изо всех сил рассматривала могильный холмик у своих ног.

Выходит, вот они, люди, как-то связанные со вчерашним незнакомцем и нипочем не желавшие его здесь видеть. Изабелла не знала, как поступить, да и надо ли ей как-то поступать? Если полиция установила, кто такой этот покойник, то его родственников тоже известили. Но с чего она-то взяла, что здесь действительно его родственники? Мужчины – его братья? А сама усопшая? Из цветов на свежем холмике Изабелла выбрала белую розу, отломила и медленно пошла к той самой могиле, а там двое кладбищенских, уже высвободив ремни, на которых гроб опускали в яму, обматывали их вокруг металлической каталки, где гроб стоял вначале. Изабелла подошла, они почтительно посторонились. Надпись на деревянном кресте гласила: «Матильда Майер-Швеглер, 1923–2012».

– Короткие были похороны, – обратилась Изабелла к обоим могильщикам.

– Речи и полную биографию любят не все, – пояснил один, как ей показалось, с затаенным смешком.

Изабелла, склонив голову, бросила розу вниз, на гроб.

Обернулась, а перед нею – один из тех родственников. И он спрашивает:

– Вы кто?

– Меня зовут...

Прервав себя на полуслове, Изабелла задала встречный вопрос:

– А вы кто?

– Кто вы такая, зачем сюда явились?!

² Это были лучшие дни моей жизни (англ.).

– Я... – Изабелла запнулась. А правда, зачем она сюда явилась и какое ей дело до этого человека? Отчитываться перед ним она не обязана.

– Я полагаю, вы – господин Майер, сын Матильды?

– Я... – в свою очередь растерялся тот.

– Брат Марсея, не так ли?

– Это не имеет отношения к делу! Скажите лучше, откуда вы знаете Марсея? Вы его подруга?

К собственному своему изумлению, Изабелла это подтвердила, да еще и добавила:

– Вы же не хотели, чтобы он пришел, и вот я вместо него.

Мужчина, взглянув на нее презрительно, только и произнес:

– Будет лучше, если вы исчезнете из нашей жизни.

Развернулся и широким шагом затопал прочь.

– Господин Майер! – закричала ему вслед Изабелла. – Господин Майер, подождите!

Но господин Майер ждать не стал, а Изабелла все стояла как вкопанная у могилы его матери. Майер давно уже скрылся из виду, когда она наконец крикнула ему вслед, разрывая кладбищенскую тишину:

– Марсель уже никогда не придет!

Затем покачала головой и медленно направилась между плакучими ивами и семейными гробницами к задним воротам кладбища.

Могильщики наблюдали за этой встречей с удивлением.

– Речь все-таки произнесли, – пошутил один, вытаскивая из земли деревянный крест, чтобы освободить место для работы небольшому экскаватору, стоявшему чуть поодаль.

– Что-то коротко, – заметил второй.

– Коротко, зато понятно, – парировал первый.

Они дружно рассмеялись, второй поднял лежавший перед крестом венок и отставил его к соседней плите. На ленте виднелась надпись: «От твоих детей».

5

– Спасибо... И вам того же... До свидания...

Изабелла вернула телефонную трубку на базу, поднялась с дивана и открыла шкафчик под телевизором. Из двух хранившихся там бутылок выбрала яблочную водку, подарок крестьянской семьи, она когда-то ухаживала за их старухой матерью.

Изабелла редко пила крепкие напитки, но после такого разговора как не глотнуть самогонки? Принесла рюмочку из кухни, уселась за обеденный стол, налила. Такая крепкая, что запросто можно использовать для дезинфекции ран, и запах из початой бутылки тотчас распространился по всей квартире.

Сообщение из полиции оказалось настолько неожиданным, что у нее возникло чувство, будто речь идет вообще о другом человеке.

Личность умершего установлена. Вновь обыскав его одежду, кое-что все же обнаружили, а именно спички в нагрудном кармане рубашки. На плоской упаковке стояло название отеля, туда обратились с фотографией умершего, и две девушки с ресепшен его опознали: канадец из Монреаля по имени Мартен Бланпен. На случай, если они вдруг ошиблись, полиция подождала еще одну ночь, но он не появился, тогда номер вскрыли и нашли там его паспорт и пакет документов, из которых следовало, что за день до смерти он прибыл в аэропорт Цюриха.

«Но ведь... но ведь он говорил на немецком, на швейцарском немецком...»

Полицейский высказал предположение, что он когда-то эмигрировал и принял канадское гражданство. Да, еще его жену уведомили, завтра она прибудет в Цюрих для опознания.

«А как жену удалось...»

«Ну, когда имеется адрес и авиабилет, да к тому же мобильный телефон, поставленный на зарядку, это уж не самая сложная задача, – разъяснил полицейский, – понятно...»

Изабелла разозлилась на себя за глупый вопрос и тут же вспомнила, что у нее так и валяются папка с мобильником, однако не нашла удобной минуты сообщить об этом полицейскому.

«Сколько же лет ему было?»

«Семьдесят два».

«Вероятно, сердечная недостаточность?»

Полицейский сообщил, что результатов вскрытия еще нет, но вот какое дело, вот собственно зачем он звонит: психологи просили узнать – на случай, если вдова захочет встретиться с нею, Изабеллой Раст, – будет ли она завтра или, может, послезавтра в Цюрихе и готова ли она к такому разговору? Часто бывает, что близкие людей, погибших в результате несчастного случая и чего-то подобного, хотят поговорить с тем, кто видел их последним.

Изабелла согласилась. Да, конечно, она сможет, да.

Полицейский попросил ее, раз так, в ближайшее время держать мобильник включенным и быть в доступе, а то вот из психологической службы уже сегодня ей безуспешно пытались дозвониться, а теперь будут связываться с ней, когда дойдет до дела.

И вот Изабелла сидит за столом и пытается свыкнуться с мыслью, что несчастный, оказывается, был канадцем или канадским швейцарцем по имени Мартен.

Но как тогда понять звонки какому-то Марселю на тот мобильник, что лежит у нее? Недоразумение? Или он человек с двумя именами? В отеле один телефон – Мартена, в папочке другой – Марсея. А почему он собирался на похороны, где его не желали видеть?

Изабелла сделала еще глоток. Будто огонь обжег глотку и вышел через ноздри.

Как бы то ни было, она согласилась встретиться с вдовой, если та пожелает. Возможно, в разговоре удастся выяснить больше. Но это значит, что до завтра или до послезавтра она останется в Цюрихе. Ни тебе Браунвальда, ни Веггиса, ни Тессина. Три блузки, вынутые из

чемодана, вчера она запаковала снова, а чемодан закрыла, чтобы он опять стоял готовый в дорогу, как перед отъездом на Стромболи.

Папка с мобильным телефоном внутри так и лежит на табуретке в коридоре.

Отчего она ни словом не обмолвилась об этом полицейскому?

Впрочем, теперь, когда все выяснилось, в этом нет необходимости. Она может вернуть то и другое вдове, если они встретятся. Вообще-то она уверена, что вдова захочет поговорить. Если в доме престарелых кто-то умирал в отсутствие родственников, те всегда хотели потом узнать, как именно это произошло, да произнес ли умирающий какие-нибудь слова и кому. Видимо, человек испытывает потребность сохранить для себя последний след той жизни.

«Что ж, состоится разговор между вдовой и подругой покойного», – при этой мысли Изабелла невольно улыбнулась. И задумалась, с чего это она выдала себя за подругу Марселя. Как видно, это была невольная попытка оказать сопротивление, хоть как-то защитить Марселя от холода и враждебности того, кто отказывал ему в праве отдать умершему человеку последний долг. И опять ей мерещится сцена на вокзале, и он падает как подкошенный, и его угасающий взгляд, и его просьба о помощи. Разве это не помощь – вместо него отправиться на кладбище?

Изабелла попыталась представить себя сотрудницей полиции, работающей с этим делом. Сочла бы она, что все ясно? Точно, как сказали по телефону, она дождалась бы результатов вскрытия, и если б не возникло подозрения, что Бланпена, например, отравили, то и необходимость в дальнейших действиях отпала бы, и дело следует закрыть. Откуда же сотруднице полиции знать, что папка и второй мобильник находятся в квартире у медицинского работника Изабеллы Раст? Заметить это следовало двум патрульным полицейским на месте.

Именно из-за этой папки, поняла Изабелла, именно из-за этой папки и ее содержимого дело для нее не раскрыто. Правда, она не работает в полиции, поэтому вполне может не проявлять к нему интереса. Для нее это не прецедент, а просто инцидент.

Подняв рюмку отвратительного напитка и вперив взгляд в потолок, она допила последний глоток со словами:

– Marcel, à toi!³

³ За тебя, Марсель! (франц.)

6

Нет, детей не было, с детьми они опоздали. Взгляд больших карих глаз белокурой дамы был устремлен мимо Изабеллы в окно кафе, на две башни цюрихского кафедрального собора.

– Et vous?⁴

Они разговаривали на французском, на языке Монреаля, причем Изабелле приходилось внимательно вслушиваться, чтобы разобрать смысл сказанного со своеобразным канадским акцентом. К тому же французским Изабелла владела уже далеко не так свободно, как в юности, когда во время учебы целый год работала в Женевской университетской клинике, хотя и сейчас сумела без напряжения поведать собеседнице, что у нее имеется дочь двадцати двух лет, *étudiante en droits*, студентка юридического.

– Et le mari?

– Parti en Afrique⁵, – улыбнулась Изабелла.

Именно так. С отцом Зары, врачом-ординатором из Африки, у нее тогда, в Женеве, завязался бурный роман, закончившийся не только беременностью, но и тем, что она узнала про жену и двоих детей дома у ее Амаду, а еще тем, что в один прекрасный день он, не дождавшись рождения дочери, отбыл назад в Бамако, *capitale de la république du Mali*⁶.

– Значит, ваша дочь – цветная?

Изабелла предъявила ей фотографию смеющейся темнокожей красавицы: стоит на корме корабля, плывущего по Фирвальдштетскому озеру, шарф развевается, позади швейцарский флаг.

– Vous avez de la chance⁷, – произнесла канадка, и снова, уже не впервые за время разговора, на глазах у нее выступили слезы.

Вероника Бланпен рассказала Изабелле, как познакомилась с мужем. Двадцать лет назад она отправилась на водную экскурсию по одному из притоков реки Святого Лаврентия, где можно понаблюдать за белыми китами, и стояла на высокой палубе под рулевой рубкой, как вдруг ей стало до того плохо от качки, что пришлось лечь прямо на настил. Она пришла в себя, когда над ней склонился капитан корабля с вопросом, не надо ли помочь, и сразу поняла, что это ее муж, муж на вторую половину жизни, ведь ей тогда уже перевалило за сорок. Вот так оно получилось, и этот человек – Мартен, и сегодня утром в морге он лежал такой спокойный, что ей показалось, вот-вот он откроет глаза и спросит, не надо ли ей помочь.

Чутьочку всплакнув, она призналась Изабелле, как ей отрадно, что и в самую последнюю минуту он собирался кому-то помогать. Изабелла уже успела подробно описать его смерть и порадоваться, что вдова не выказала и тени упрека.

Как предполагала Изабелла, он и ее пытался попросить о помощи, но почему, о чем именно?

Вероника была уверена, что он просто хотел передать прощальный привет ей.

А известно ли ей точно, зачем Мартен отправился в Швейцарию?

Вероника объяснила: умерла та женщина, что стала для него матерью, и он собрался на похороны.

То есть его мать?

Нет, Мартен вырос в приемной семье, правда, сама она мало что знает, он почти никогда не рассказывал про свои юные годы. Несладко ему пришлось, вот уж точно, это она заключает

⁴ А у вас? (франц.)

⁵ – А муж?– Уехал в Африку (франц.).

⁶ Столицу Республики Мали (франц.).

⁷ Как вам повезло (франц.).

из его намеков. И предполагает, что приемная мать являлась для него человеком очень важным.

А связи со Швейцарией?

Nul, сказала Вероника, nul, совсем никаких. Ей кажется, он ненавидел Швейцарию... Nul – ou presque, никаких – или почти никаких... Из всей семьи у одной-единственной женщины был его адрес, она-то и позвонила, когда приемная мать умерла. При ней, Веронике, он обращался к той женщине *ma tante* – тетушка, но кто она и как ее зовут – неизвестно.

Когда же Мартен перебрался в Канаду?

Канадским гражданином он стал лет сорок назад, но в стране находился намного дольше, ведь иначе нельзя претендовать на гражданство. Еще до свадьбы ей пришлось пообещать, что она никогда не станет донимать его расспросами про юношеские годы. Правда, он уверял, что бояться ей нечего, он никому не сделал ничего плохого, *je n'ai jamais fait du mal a personne*.

А теперь вот она размышляет, стоит ли везти его обратно в Канаду, это ведь так сложно. Намного проще было бы похоронить его здесь, все-таки он родом из этой страны.

В голове у Изабеллы тотчас возникла картинка: вырытая могильная яма подле креста Матильды Майер, перед нею стоят они вдвоем с Вероникой Бланпен, как вдруг рядом появляется Майер-сын и орет им, чтоб убирались прочь от семьи вместе с трупом Марселя, отныне трупом Мартена.

Вероника добавила: о смерти они говорили редко, но Мартен всегда высказывал пожелание, чтобы она, если проживет дольше, развеяла его прах над рекой Святого Лаврентия.

Изабелла посоветовала кремировать его здесь, а прах увезти с собой.

– Vous croyez que ça va?

– Pourquoi pas?⁸

Вероника вздохнула. Она всегда мечтала съездить в Швейцарию вместе с Мартеном.

И вот она здесь наконец, но совсем одна.

– Вы не одна, – произнесла Изабелла. – Я могу помочь вам.

– Вы такая милая, – ответила Вероника, всхлипывая, – *vous êtes tellement gentille*.

– Вот еще тут папка... – Изабелла достала папку из сумки и пояснила, как получилось, что она прихватила ее с собой.

Вероника подтвердила: папка принадлежала мужу, он обычно укладывал туда газету, а иногда еще мобильный телефон. Раскрыв папку, она вытащила «Нойе Цюрихер Цайтунг», датированную днем смерти Мартена. И сказала, что мобильный телефон он оставил в гостиничном номере. Кстати, она поселилась в том же отеле, там ей вернули чемодан и все, что у него в номере нашли.

Тут Изабелла вспомнила, что мобильник она снова поставила дома на зарядку, но опять как-то пропустила удобную минуту для сообщения об этом.

Вероника сказала, что ей пора вернуться в отель, только теперь она поняла, до чего устала, да еще и борется с разницей во времени.

– Мне по пути, – подхватила Изабелла, – я с удовольствием вас провожу.

Отель находился рядом с вокзалом Цюрих-Эрликон, здесь часто останавливались авиапассажиры и члены экипажей. Изабелла пошла с Вероникой через Старый город к Парадной площади, там помогла ей купить билет в автомате и доехала с нею на трамвае до отеля.

Прощаясь, она сказала, что во всех случаях поможет Веронике уладить формальности, когда та решит, как ей поступить с телом.

Вероника поинтересовалась, откуда у нее столько свободного времени, она ведь наверняка работает.

– Я все еще отдыхаю, – улыбнулась Изабелла, – просто не на Стромболи, а в Цюрихе.

⁸ – Думаете, это возможно? – Почему же нет? (франц.)

– *Merci infiniment*⁹, – сказала на прощание Вероника, поцеловала ее и прошла мимо целой группы американцев, куривших у раздвижной двери, в холл отеля.

Вернувшись домой, Изабелла зашла в ванную комнату проверить зарядку мобильного телефона, вытащила вилку зарядного устройства из розетки и увидела, что опять кто-то звонил. С неизвестного номера.

⁹ Спасибо огромное (франц.).

7

– Вот так выглядит урна, подготовленная к выдаче, – сообщил господин в костюме антрацитового цвета и темно-синем галстуке, когда они вместе обратились к нему за консультацией в городском бюро ритуальных услуг.

Он поднял перевязанную высокую коробку с наклеенным адресом и поставил на специальный столик между собою и двумя женщинами, так что над краем коробки теперь только-только виднелась его голова.

– Но внутри находится медная модель, поэтому она довольно тяжелая, а вот с вариантом из ясеновой древесины упаковка будет намного легче, *ce n'est pas tellement lourd*, – обратился он к Веронике, которая попробовала поднять коробку, взявшись обеими руками.

Вероника кивнула.

Вместе с урной она получит официальную справку о содержимом коробки для предъявления на таможне при въезде в Канаду, если это потребует, продолжал сотрудник похоронного бюро. В расписке о получении надо будет указать, как она намерена поступить с урной и прахом, то есть собирается ли она хранить прах дома или развеять, и если последнее, то где – над озером, рекой, морем, в лесу или в горах, хотя все это чистая формальность.

– Над рекой, – уточнила Вероника.

– Вообще это не имеет значения, – заметил сотрудник.

– Над рекой, – повторила она, – над рекой Святого Лаврентия.

– Прекрасно, – кивнул похоронщик, – «над рекой», этого достаточно.

– Да нет же, над рекой Святого Лаврентия! – настаивала Вероника, всхлипывая. Но тут же спросила, можно ли оплатить счет карточкой.

– Разумеется, – ответил сотрудник. Она даст ему номер карточки, он быстренько проверит данные, и вот еще: имеется ли у нее контактный адрес в Швейцарии?

Вероника назвала отель, но Изабелла велела записать ее адрес, они ведь подруги.

Чуть позже они опять зашли в то кафе, откуда видны башни собора, но на этот раз сели за столик на улице, под утренним солнышком, и заказали черный чай.

Изабелла помогла Веронике уладить все необходимое: свидетельство о смерти Мартена, которое полицейский принес Веронике в отель, уже сдано, кремация назначена, срок выдачи урны с прахом – не более трех дней.

Вероника благодарила Изабеллу, для нее такая помощь неоценима, а ведь Изабелла вовсе не обязана ей помогать.

Изабелла возражала, она ведь помогала Веронике от души.

Три лебедя медленно плыли против течения Лиммата по направлению к озеру. На Ратушном мосту стояла седовласая женщина с маленькой вертлявой девочкой. Девочка то и дело лазила в бумажный пакет в руках у бабушки и пригоршнями бросала лебедям хлебные крошки.

– Voilà, – сказала Вероника, – *et la vie continue*¹⁰.

Изабелла кивнула. Жизнь продолжается, она тоже всегда об этом думает, когда прощается с кем-то из своего отделения, когда выходит из зала крематория, а на улице чирикают птички и светит солнце, она всегда думает, как же это прекрасно – жить дальше.

Вероника заговорила о другом. Непонятно, надо ли устраивать какую-то панихиду, в церковь они с Мартеном не ходили... Вот разве что пригласить родственников и друзей, нет?

На мосту какой-то прохожий фотографировал японскую пару по их просьбе. Собирают доказательства о поездке в Швейцарию.

Вероника помешала ложечкой чай.

¹⁰ Вот видишь, жизнь продолжается (франц.).

Есть у нее еще одно пожелание, но она, наверное, слишком много хочет...

Какое пожелание?

Не могла бы Изабелла показать то место, где умер Мартен?

Да, она охотно это сделает.

Охотно? В самом деле? Разве это не связано для нее с неприятными воспоминаниями?

Изабелла на минутку задумалась. Похоже, все происшедшее еще не перешло в разряд воспоминаний, оно и до сих пор представляется ей невероятным, как сцена, которую можно повторить с другой концовкой. Он помог бы ей затащить чемодан в вагон, постоял бы немного, попрощался бы с легким поклоном, а она поехала бы в аэропорт и улетела в Неаполь, нашла бы там катер и сидела бы теперь не в Цюрихе с жительницей Канады, которую знает ровно со вчерашнего дня, а на Стромболи и пила бы со своей давней подругой Барбарой чай, а то и сицилийское Неро д'Авола в увитой виноградом беседке, да срывала бы спелые ягоды...

Вместе они пошли пешком к вокзалу, Изабелла провела Веронику через холм Линденхоф, одно из самых любимых ее мест в городе, где когда-то стояла римская крепость и где открывается вид на Лиммат, Ратушу и Нидердорф. И где башни кафедрального собора, оказавшись почти на уровне глаз, выглядят не такими уж самоуверенными.

Подростки целым классом сидели на площади с альбомами для рисования, а учитель, завязавший в конский хвост свои тронутые сединой волосы, переходил от одной группы к другой и раздавал указания и комментарии. Чуть поодаль старички в беретах и шерстяных шапочках двигали туда-сюда большие шахматные фигуры. Изабелла с Вероникой уселись возле большого фонтана на каменную ограду, которая завершает площадь и резко уходит вниз, к домам на берегу реки.

– Смерть, – заговорила Вероника, – это самое невероятное в жизни. К ней невозможно привыкнуть. – И взглянула на Изабеллу: может, та думает иначе?

– В доме престарелых смерть – частая гостья, – промолвила Изабелла. – Но по-деловому с ней умеют обращаться только похоронщики, а я каждый раз не нахожу себе места, если тот, с кем я только что разговаривала, вдруг лежит и не дышит. Куда пропали смех и речь, куда ушли мысли и воспоминания? Где богатство целой жизни?

Порой она представляет себе жизнь как большой кипящий котел с супом, из которого черпаком наливают полную тарелку, когда человек появился на свет, а потом из нее поедят, поедят, да под конец сольют в котел остатки.

Вероника улыбнулась. Образ ей понравился. Жизнь как таковая не пропадает, да, но жизнь Мартена все же пропала, причем сама она, Вероника, с ней так и не познакомилась по настоящему.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.